

На полях биографии

Д.А.Гутнов,

доктор исторических наук

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

*Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего
с неприятелями наук российских бороться...*

М.В.Ломоносов

Как часто это бывает в истории, после смерти Ломоносова его образ, ставший символом русской науки, нещадно эксплуатировался ведомственной и государственной пропагандой. А она, как кислота, разъедает и без того исчезающие человеческие черты, которые еще можно разглядеть за бронзовеющим из века в век ликом великого русского ученого и организатора науки.

Оценить истинный вклад Ломоносова в историю русской науки и культуры сложно еще и потому, что XVIII в., в который довелось жить и творить нашему выдающемуся соотечественнику, с каждым днем отдаляется от нас все дальше и дальше. И лишь единицы специалистов-историков способны через призму времени адекватно оценить те общественные, социальные, материальные, бытовые и научные условия, в которых жил и действовал Ломоносов. Еще меньше людей способны донести эту реальность до современного читателя, обремененного иными образами и стереотипами.

О Ломоносове написаны тысячи книг, которые создают определенную историографическую традицию. В силу того что эта традиция питалась в значительной степени официальной точкой зрения, Ломоносову приписывались многие несвойственные ему черты, добавлялись добродетели, ретушировались пороки. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться «ниспровергатели кумиров» (коих много было в прошлом, как, впрочем, и в недавние времена), которые, умаляя действительные заслуги Михаила Васильевича, выпячивали именно спорные или, прямо скажем, отрицательные черты его натуры. Именно поэтому любая попытка подойти непредвзято к оценке личности Ломоносова одинаково уязвима для критики. Тем не менее 300 лет — это историческая дистанция, которая позволяет абстрагироваться от разного рода пропагандистских клише и попытаться взглянуть на основные вехи деятельности Ломоносова с позиций его действительного вклада в русскую жизнь и русскую культуру.

Наследие его огромно и разнообразно. Это различные отрасли естественных и гуманитарных наук, поэтическое наследие, вклад в области живописи и мозаики, наконец, организационно-административная деятельность. Трудно отыскать исследователя, который одинаково квалифицированно мог бы судить о достоинствах его трудов в разных ипоста-

сиях. И автор этих строк также не претендует на всеобщность своих заключений и постарается удержаться в рамках двух сфер деятельности нашего героя — научной и художественной.

И прежде всего следует сказать несколько слов об Академии наук — ведомстве, с которым в общественном сознании связывается основная деятельность Ломоносова. В середине XVIII в. Санкт-Петербургская академия наук была небольшим учреждением, находившимся, прямо скажем, на периферии внимания власти. Общая численность сотрудников, включая президента, академиков, профессоров, адъюнктов, студентов Академического университета, учащихся гимназии при нем и разного рода «технический персонал» (сторожа, мастеровые и др.) составлял не более двух сотен человек [1]. По штату Академии на 1747 г. числились следующие должности: президент — один; ординарные академики — девять; почетные члены — 10; адъюнкты — девять, профессора Академического университета — пять и один историограф. В Академическом университете предусматривались (помимо перечисленных) должность ректора и наличие тридцати студентов [1].

Членами Академии наук были в основном этнические немцы; к моменту появления в стенах этого учреждения Михаила Васильевича срок контракта тех, кто прибыл в Россию первым, истек. В связи с этим одни из них вернулись на родину, другие — перешли на работу в иные ведомства: так, в 1741 г. Россию покинул Л.Эйлер, в 1747 г. — Ж.Делиль, а Х.Гольдбах был переведен в 1742 г. в Коллегию иностранных дел и т.д.

Президентом Академии наук был назначен 18-летний брат всесильного фаворита императрицы Елизаветы Петровны граф К.Г.Разумовский (будущий гетман Украины). Уже одно это обстоятельство свидетельствует о месте, которое она занимала в глазах двора. Текущими делами Академии распорядилась Канцелярия, которой долгое время управлял единолично И.Д.Шумахер. Помимо корыстолюбия, тщеславия и множества иных свойственных ему отрицательных черт, которые неоднократно описаны в литературе [2], следует отметить тем не менее, что именно он в свое время принял в Академию безвестного тогда студента Славяно-греко-латинской академии Михайло Ломоносова, послал его в Германию, а по возвращении позволил занять должность адъюнкта и профессора. Трудом Шумахера при Академии была создана

прекрасная библиотека, оснащена типография, созданы и оборудованы мастерские, часто исполнявшие заказы, в том числе предназначенные для двора Ее Императорского Величества.

Вообще же следует сказать, что участие академиков и целых подразделений Академии наук в придворной жизни было в середине XVIII в. непрременной обязанностью Академии и одним из главных аргументов в пользу ее существования. Так, например, при Анне Иоанновне знаменитый ледяной дом на Дворцовой площади спроектировал профессор физики Г.В.Крафт. Сам Ломоносов в своей химической лаборатории неустанно работал над составами «зеленых огней» для фейерверков и писал тексты для этих «иллюминационных театров». Большинство из стихотворных сочинений Михаила Васильевича (в особенности оды, которые А.С.Пушкин в свое время шутя называл «должностными») были написаны по заказу двора.

Тяжелым бременем на Академии наук лежал Академический университет. Несмотря на то что в штат Академии входило пять профессорских должностей, на деле преподавателей (особенно квалифицированных) всегда не хватало. Попытки же привлечь к преподавательской деятельности академиков наткнулись на их упорное сопротивление, мотивированное отсутствием соответствующей нормы в Уставе Академии.

И вот в этот довольно тихий и, на взгляд современного человека, сонный академический мир,

К.Г.Разумовский, президент Академии наук (1746—1798)

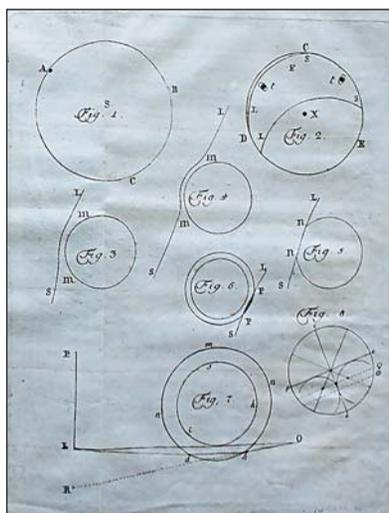

Здание Санкт-Петербургской академии наук. Фрагмент гравюры Дж.Кларка и М.Дюбурга «Исаакиевский понтонный мост».

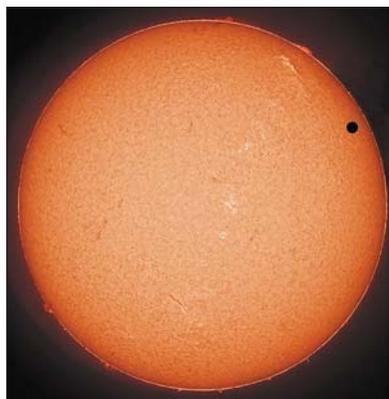
с довольно безалаберной организацией научных исследований, полный каких-то непонятных интриг и склок, врывается Михаил Васильевич Ломоносов с его необузданной энергией, честолюбием, желанием подвинуть прежние авторитеты и открыть путь национальной русской науке. Этот его напор и какая-то мужицкая жизненная сила на фоне безволия и затхлости общей академической атмосферы обусловили его быстрый карьерный рост. Будучи принятым в число адъюнктов в 1742 г., в 1745-м Ломоносов становится профессором, в 1758 г. — членом Академической канцелярии, курирующим науку, и чуть позже — ректором Академического университета.

Между тем с 1756 г. в Россию стали возвращаться посланные за границу для завершения образования бывшие студенты Академического университета. В 1757 г. из Берлина вернулся в Россию С.Я.Румовский, а годом позже — Ф.У.Эпинус. С их появлением конкуренция между немецкими и русскими членами Академии существенно обострилась, а вместе с ней вернулись и профессиональные критерии оценки научной работы.

Традиционно биографы Ломоносова придерживаются спонтанно-восторженной оценки его научных достижений, выдвигая на первый план такие качества его научного гения, как энциклопедизм и интуиция. При этом мало кто видит в этих чертах его существенный недостаток. Дело в том, что вторая половина XVIII в. была в истории науки очень важным и отчасти революционным периодом [3]. Промышленная революция, начало которой связывают с первыми десятилетиями 19-го столетия, жидилась на фундаменте научных исследований истекшего века. А он характеризуется сменой парадигмы научного исследования. Во второй половине века Просвещения место одаренных любителей и интересующихся дилетантов все чаще за-

Страницы книги М.В.Ломоносова «Явление Венеры на Солнце наблюдаемое в Санктпетербургской Императорской академии наук мая 26 дня 1761 года».

Прохождение Венеры по диску Солнца 8 июня 2004 г. Снимок получен в линии Н-альфа.

нимали ученые-профессионалы. Их отличие заключается в строгом следовании научно-аналитическому принципу и овладении подобными методами. Это было явлением закономерным, обусловленным логикой развития научного знания и, как известно, выдвигало на первый план математику как универсальный язык научного описания. Ломоносов оказался как раз на этом переломе и, по всей вероятности, не смог оценить значения и масштабов происходящих в науке перемен.

Зримым воплощением борьбы старых и новых начал в Санкт-Петербургской академии наук стали многократно описанные в литературе конфликты Михаила Васильевича с членами академической конференции. Не претендуя на всеохватность, приведу в пример лишь ряд показательных эпизодов.

Так, предлагая конструкцию усовершенствованной «ночезрительной трубы», Ломоносов наталкивается на отрицательные заключения профессора астрономии Н.И.Попова и академика А.Н.Гришова. Тогда Ломоносов обращается за помощью в доработке своей конструкции к Эпинусу, дабы эта труба «увеличила бы степень яркости объекта», а тот терпеливо объясняет Ломоносову, что «это лежит за пределами возможностей оптики» [4].

Во время солнечного затмения 1761 г. Михаил Васильевич и привлеченные им астрономы А.Д.Красильников, Н.Г.Курганов, С.Я.Румовский и Н.И.Попов занимались наблюдениями за прохождением Венеры через диск Солнца. Результатом организационных усилий Ломоносова стало направление экспедиции Попова в Иркутск и Румовского — в Селенгинск. Красильников и Курганов занимались наблюдениями в Санкт-Петербурге. В их задачу входило наблюдение зрительного касания краев дисков Венеры и Солнца. Ломоносов вел самостоятельные исследования в своей домашней обсерватории

и, как известно, обнаружил световой ободок вокруг Венеры. Это и послужило основанием его гениальной догадки о существовании атмосферы на Венере. Однако публикация результатов этих наблюдений привела к большому конфузу. Обобщая результаты в своей знаменитой статье «Явление Венеры на Солнце...», Ломоносов не придавал значения тому обстоятельству, что время внешнего соприкосновения при входе Венеры на Солнце у двух наблюдателей (Красильникова и Курганова), находившихся в одной комнате, разнится на целых 19 секунд (!). Когда выяснилась ошибочность этих измерений для реперных моментов, встал неприятный вопрос о достоверности опубликованных данных, особенно в свете выпадения этих результатов из общей картины наблюдений на долготе, близкой к Санкт-Петербургу. В итоге Г.Миллер и Ф.У.Эпинус в частном порядке известили Парижскую академию, координировавшую эту работу, об ошибках в наблюдениях Красильникова—Курганова. Ломоносов же увидел в этом «наущение от здешних Красильникову и Курганову соперников» [5].

Летом 1764 г. в связи с подготовкой экспедиции адмирала В.Я.Чичагова, перед которой была поставлена «секретная цель» исследовать путь через Северный Ледовитый океан к Камчатке, устами Ломоносова перед международным научным сообществом от лица Санкт-Петербургской академии наук была поставлена научная задача: «Как определить географическую долготу по наклонению магнитной стрелки» [6]. Очевидная несуразность поставленной задачи была дезавуирована решением той же академической конференции несколькими днями позже [6].

24 августа 1764 г. Ломоносов изложил на публичном заседании конференции свою гравитационную модель Земли. Согласно его теории, Земля имеет три центра, из которых последний «ежечасно перемещается»; масса тел не постоянна и также часто меняется. От этих действий происходят движение Земли вокруг своей оси, приливы и отливы, повышение и понижение давления в барометре и т.д. Очевидное противоречие утверждений Ломоносова с известными законами физики было понятно членам Академии наук уже тогда. В серии корректных, но уничижительных для Ломоносова дискуссий академики по сути объективно доказали неумение первого русского академика строить и доказывать свои теории на строго аналитической основе, предъявляемой к исследователю новым этапом развития науки. Не имея аргументов для подобного спора, великий русский просветитель прибегал к помощи риторики и красноречия, не заменявших, впрочем, профессионализма. И в этом состояла его личная драма.

Гораздо более значимыми представляются заслуги Ломоносова в гуманитарных науках. Разработанная им и воплощенная в многочисленных

Первая грамматика русского языка.

одах и стихотворных произведениях силлабо-текстоническая система русского стихосложения признана одним из его действительно ярчайших достижений, она поныне служит российской литературе. Его «Русская грамматика» выдержала 14 изданий. В бумагах покровителя Ломоносова И.И.Шувалова сохранился написанный его рукой конспект ломоносовской «Риторике». Это позволяет некоторым исследователям утверждать, что Ломоносов преподавал Шувалову стихосложение. Правда, следует иметь в виду, что в силу повальной неграмотности населения России круг читателей и тем более ценителей поэзии Ломоносова был крайне узок и практически замыкался двором, а также довольно незначительным числом грамотных, интересующихся литературой людей, живших по преимуществу в обеих столицах.

Несколько более противоречивы заслуги первого русского академика перед исторической наукой. Представитель нового поколения академической науки А.Л.Шлецер на основании исторической и филологической критики русских летописей вычленил наиболее старое и оттого, как представлялось ему, верное сказание о призвании варягов. На этой основе Шлецер сформулировал «норманскую теорию» происхождения Русского государства. Мы сознательно отвлекаемся от политических моментов, которые играли известную роль в создании этой теории (как, впрочем, и в любой другой исторической концепции). Но для Ломоносова появление этой теории стало не столько событием в развитии исторической науки, сколько посягательством иностранцев на изначально русские области знания. Отсюда в критике ее столько едкой иронии.

И сейчас исследователи-палеографы подтверждают, что вычлененная Шлецером «Повесть временных лет» Нестора — действительно древнейшее летописное известие русской истории. Но проти-

вопоставление норманистам довольно расхожей и поздней сказки о том, что основателем Руси был мифический князь Прус, потомок самого римского императора Августа [7], на фоне палеографической и текстологической аргументации норманистов кажутся довольно диалектскими. Таковыми они казались и членам академической конференции. Другое дело, что спор этот, раз начавшись, длится уже не одно столетие и результат его в большей степени важен не прямым ответом на поставленный вопрос, а мощными стимулами к дальнейшему познанию, которые данный спор порождает.

Словом, если подвести некоторый промежуточный итог, то постоянные конфликты Ломоносова со своими оппонентами в стенах Академии наук имели отнюдь не характер перманентного немецко-русского противостояния, как можно подумать, разбирая обширную литературу по этому вопросу, особенно созданную в XX в. Дело, как представляется, заключалось в противостоянии профессионалов, апеллирующих к строго научным аргументам (естественно, по меркам развития науки XVIII в.), и первого поколения русских ученых. Они еще не имели достаточного опыта и профессионализма. Но они были первыми. Со временем русская наука приобрела и опыт, и соответствующую европейскому уровню квалификацию. Но с исторической точки зрения, С.Я.Румовский, В.Е.Адодуров, С.П.Крашенинников, Н.И.Попов и иже с ними важны для истории русской науки не столько своим вкладом в нее, сколько тем, что стояли у ее истоков. И Ломоносов был первым среди них.

Надо сказать, что сам Михаил Васильевич прекрасно это свое значение понимал. Правда, это сказало не самым лучшим образом на его личных качествах. Коллега Михаила Васильевича по Академии и оппонент по спорам вокруг «норманской теории» Шлецер оставил о нем совершенно замечательное суждение. «Ломоносов был действительно гений, — писал он. — Он создал новое стихотворство, и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу... Благодарное Отечество наградило его; его клиенты, которые пользовались его положением для своего преус-

С.Я.Румовский

С.П.Крашенинников

пеяния, боготворили его... Это испортило его. Его тщеславие превратилось в варварскую гордость, которая всем, особенно его подчиненным, сделалась невыносимой. Это высокое о себе мнение увлекло его к занятиям самыми разнородными предметами. Если бы он остановился на своих немногих предметах, он, вероятно, был бы в них велик. Но он на них не остановился...» [8].

Безусловной заслугой Ломоносова перед Россией должно считать инициативу открытия Московского университета. Как представляется, произошло это от безысходности, которая окружала его в Академическом университете, где он работал с 1745 г. и который возглавлял в 1758—1760 гг. Формат статьи не позволяет нам подробно остановиться на истории этого учебного заведения, тем более что в последнее десятилетие вопрос этот оказался излишне политизирован*. Однако отметим, что в одной из своих жалоб на академическую администрацию, написанную еще в 1743 г., Ломоносов прямо утверждал, что «при Академии наук не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно» [9]. И действительно, Академический университет трудно назвать университетом в современном

понимании этого слова. По сохранившимся данным, в 1752 г. там училось 20 студентов, в 1753-м — 18, в 1757-м — 18 и в 1758-м — 16 [10]. Причина

* В самом конце XX — начале XXI в. обнаружилось стремление ряда властных и научных структур выставить Академический университет прямым предшественником Санкт-Петербургского университета, что позволило бы считать датой основания последнего не 1819 г. (дата официальной инаугурации СПбУ), а 1725 г. Спор этот разгорелся аккурат накануне 250-летнего юбилея Московского университета, не без основания считающего себя старейшим классическим университетом России. С самого начала дискуссии, помимо научной стороны, она имела очевидную меркантильную составляющую. Под планируемые юбилеи предполагалось выделить нештучные средства, и никто не хотел упускать своей выгоды. Впрочем, широко отпраздновав 275-летие Санкт-Петербургского и 250-летие Московского университета, научная общественность о существовании этого спора быстро позабыла, что лишний раз подтверждает его «коммерческий» характер.

этого кроется в крайней неопределенности будущего у лиц, получивших высшее образование. В условиях, когда за дворянами были закреплены сверхльготные условия прохождения военной службы, получение ими образования становилось делом ненужным и хлопотным. Поскольку само наличие образования в рассматриваемое время не являлось преимуществом при занятии государственных должностей, то и в Табели о рангах каких-либо преференций для обладателей оного предусмотрено не было.

Неоднократные попытки Ломоносова как профессора университета и даже его ректора придать более высокий статус профессорам и выпускникам Академического университета по большому счету были бесплодными. Как он сам писал в одном из писем Шувалову: «Профессоры в других государствах, невзирая на их великое довольство, имеют, во-первых, чины знатные и всегда выше или, по последней мере, коллежским ассессором считаются, второе, ободряются к прилежному учению не только произведением в чины, но и возвышением в знатное дворянство... У нас же, напротив того, канцелярским чинам и другим чинам положены пристойные ранги к унижению профессорского достоинства и, следовательно, к помешательству в размножении учения» (ПСС. Т.10. С.19).

Видимо, вышеперечисленные резоны и подтолкнули Ломоносова к мысли о создании университета вне стен Академии наук и вне Санкт-Петербурга вообще. Этот вопрос он регулярно обсуждал с Шуваловым. Известно также, что по поводу организационных принципов, на которых должен был строиться подобный университет, у Ломоносова и Шувалова не было единого мнения. Один из первых выпускников Московского университета, И.Т.Тимковский, которому довелось быть свидетелем подобного спора, вспоминал затем, что Ломоносов тогда много упорствовал в своем мнении и хотел устроить новый университет по образу и подобию Лейденского — одного из старейших в Европе. Шувалов же резко возражал против, как он выражался, «вольностей европейской жизни», под которыми разумел университетскую автономию [11]. Этот спор академика и царедворца, о котором мы знаем крайне мало, на самом деле очень важен для судеб университетской автономии в России, ибо уже тогда обозначил различие в понимании академической (и не только академической) свободы властью и нарождающейся университетской корпорацией.

Несмотря на эти разногласия, в 1754 г. из-под пера Ломоносова все же появляется его знаменитое письмо с подробным планом устройства будущего Московского университета, которое знаменовало собой начало процесса его создания. Вслед за тем появились «Доношение» камергера ее величества Шувалова в Сенат об открытии университета в Москве и Указ императрицы Елизаветы от 13 января 1755 г. об основании Московско-

го университета. И, наконец, 7 мая 1755 г. состоялась инаугурация Московского университета. Мы не будем касаться подробностей этого процесса. Однако же отметим, что организационные принципы существования этого нового учебного заведения весьма отдаленно сопоставимы с нормами самоуправления, которые в то время господствовали в университетской жизни Западной Европы. По необходимости, это был плод известного компромисса. Те нормы университетской автономии, которые позволяют нам поставить российские университеты в один ряд с европейскими, были дарованы российским императорским университетам лишь в 1803 г., т.е. на полвека позже. Но начало было положено.

В этой связи я хотел бы только отметить, что сам факт участия Ломоносова в подготовке открытия Московского университета стал известен лишь в 1825 г., когда было найдено и опубликовано упомянутое выше знаменитое письмо Ломоносова Шувалову [12]. До того все официальные лавры основателя университета принадлежали Ивану Ивановичу Шувалову и его августейшей покровительнице. Любопытно также, что Ломоносов и формально никак не был связан с этим своим детищем. Парадокс истории состоит в том, что он никогда не был в стенах университета, к основанию которого приложил свою руку и который в благодарность за это сегодня носит его имя*.

И последнее. Я не чувствую себя достаточно квалифицированным искусствоведом, чтобы оценить вклад Ломоносова в русское изобразительное искусство. Поэтому позволю себе лишь небольшой комментарий. Хотя Ломоносов и разработал оригинальную рецептуру отечественного цветного стекла для мозаичных работ, судя по сведениям, изложенным в специальной литературе, эта рецептура в своих основных частях была утеряна после смерти великого русского просветителя [13]. Таким образом, этот вклад Ломоносова в развитие русского изобразительного искусства не получил своего практического воплощения.

Его знаменитое мозаичное панно «Полтавская баталия» (4.81×6.44 м) создавалось в расчете на кардинальную перестройку Петропавловского собора. Там, по мысли Ломоносова, должны были разместиться памятник Петру и цикл мозаичес-

* Возможно, что это было и к лучшему, особенно если вспомнить довольно бесплодные попытки Ломоносова в качестве ректора придать Академическому университету хоть какую-то востребованность. С большой долей уверенности можно предположить, что, возглавив организацию замышлявшегося им нового учебного заведения, Ломоносов в силу особенностей своего характера и административного опыта, погряз бы в каких-либо склоках, интригах и бюрократической рутине. Это бы отсрочило или надолго затормозило основание Московского университета. Впрочем, история не терпит сослагательного наклонения...

ких картин, увековечивавших его деяния и подвиги. При этом сама конструкция собора и его внутреннее пространство планировалось существенно изменить и расширить [13]. Однако с самого начала перспективы подобного превращения храма-усыпальницы августейшей семьи в храм-монумент одного Петра Великого были, по очевидным причинам, проблематичны. После же смерти автора «Полтавской баталии» они стали и вовсе туманными. В 1765 г. Екатерина II поручила президенту Академии художеств И.И.Бецкому найти «Полтавской баталии» достойное место. Однако тут выяснилось, что в Санкт-Петербурге не было ни одной несущей стены, способной выдержать трехсоттонный вес ломоносовского шедевра. Не найдя более подходящего помещения, Бецкой разместил мозаику в сарае за Академией художеств. Лишь к 200-летию со дня основания Академии наук, претерпев многочисленные переезды и реставрации, это творение Ломоносова заняло свое сегодняшнее место в здании Академии наук в Санкт-Петербурге [14].

Итак, сколь это ни банально звучит, но главная и бесспорная заслуга Михаила Васильевича Ломоносова перед русской наукой и культурой заключалась в том, что своим личным примером он сумел показать соотечественникам, что Россия способна и может занять свое самостоятельное и значимое место в развитии мировой науки. Глядя на фигуру первого русского академика, можно было воочию убедиться, что «...может собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов российская земля рожать». При всех его личных недостатках и прорехах в научной подготовке Михаил Васильевич стоял у основания русской национальной науки, которая в дальнейшем принесла и по сей день приносит миру немало выдающихся достижений.

Литература

1. Уставы Академии наук СССР. М., 1975.
2. Пекарский П. История Академии наук. Т.1. СПб., 1870.
3. Кун Т. Структура научных революций. М., 2002.
4. Вавилов С.И. Ночезрительная труба М.В.Ломоносова // М.В.Ломоносов: Сб. статей и материалов. М., 1946. С.92.
5. Билярский П.С. Материалы для биографии М.В.Ломоносова. СПб., 1863.
6. Протоколы заседаний конференции Императорской академии наук с 1725 до 1803 г. Т.2: 1744—1770. СПб., 1899.
7. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. М., 2005. С.235.
8. Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т.13. СПб., 1875. С.200.
9. Цит. по: Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская академия наук: Материалы к столетней памяти его (1765—1865). М., 1865. С.138.
10. Толстой Д.А. Академический университет XVIII столетия по рукописным документам Архива АН. СПб., 1885. С.53.
11. Бартенев П.И. Биография И.И.Шувалова. М., 1857. С.116.
12. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к его столетнему юбилею. 1755—1855. М., 1998. С.26.
13. Макаров В.К. Художественное наследие М.В.Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950.
14. Некрасова Е.А. Ломоносов-художник. М., 1988. С.106.

Второй безусловной заслугой Ломоносова была его реформа русского языка и стихосложения. Притом важно здесь даже не столько его непосредственное поэтическое и литературное наследие. Хотя и оно значительно! Реформировав русский язык, он активно пользовался им и внедрял его не только собственно в литературу, но и в повседневную жизнь Академии наук (а там в ходу были латынь и немецкий) и двора (в пику французскому языку). Этим он сделал русский язык востребованным в тех сферах, где до того по-русски не говорили. Такими своими деяниями Ломоносов дал толчок к постоянному осовремениванию русского языка, складыванию русской научной терминологии. Наконец, он дал толчок преподаванию на русском языке, что для XVIII в. было явлением революционным.

При участии Ломоносова в основании первого классического университета России — Московского университета — было заложено рождение нового социального слоя, так называемого «ученого сословия». Из этого сословия в значительной степени выросла русская интеллигенция.

Обширны и те многочисленные приобретения в разных областях науки, которые связаны с именем Ломоносова. Даже не обладая достаточной квалификацией, чтобы их строго обосновать, он все же сделал множество гениальных догадок и заключений, которые затем трудами последующих поколений ученых были обоснованы и подтверждены как строго научные факты.

Поэтому при всей противоречивости натуры, достижений и того образа, который был затем навязан Ломоносову в пропагандистских или иных целях, он продолжает оставаться великой личностью в ретроспективе русской науки и человеком, по праву занимающим достойное место в русской истории. ■